

8. Муромцев С. Римское право в Италии XI-XV столетиях. Очерк 2 // Юридический вестник. Кн. 3 (март). – М., 1885.
9. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательская группа «Норма-Инфра», 1999.
10. Постников М. М. Критическое исследование хронологии древнего мира. Восток и средневековье. Т. 3. – М.: Крафт плюс, Леан, 2000.
11. Ткаченко С. В. Юридический способ изучения римского права // Труды СГУ. Вып. 50. – М., 2002.
12. Шершеневич К., Анненкова К. Система русского гражданского права. Т. 1. – СПб., 1899.

Санюкевич Л. П. (г. Брест, БГТУ)

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В АМЕРИКАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Анализируя ситуацию с новыми иностранными языками в среднем и высшем образовании США, американские исследователи Генри Купер, Нелли Фурман, Петер Уве Хозндаль, Эльвира Гарсиа приходят к единодушному выводу: все меньше абитуриентов обращают свои взоры к европейским языкам – русскому, французскому, немецкому, английскому (испанский язык является заметным исключением в силу демографического фактора) – и литературе на этих языках, делая выбор в пользу сравнительно молодой области 'communication studies', объектом исследования которой являются современные средства информации. Эту новую дисциплину обычно читают не в колледжах гуманитарных и естественных наук, а в технических школах. Помимо курсов, изучающих проявление рыночных сил и обучающих применению особых технологий, в рамках дисциплины 'communications' предлагаются также курсы анализа средств информации – от риторики до кино, которые чаще всего ведут доктора наук с традиционных кафедр английского языка, театрального искусства и сравнительной литературы. Отмечается также возрастание интереса к междисциплинарным программам. Все это выдвигает на повестку дня вопрос о роли новых европейских языков в американском вузе [1; 65],[2; 69],[3; 82],[4; 137].

Государства старой Европы – Франция, Германия, Италия, Испания, Соединенное Королевство – некогда были противниками на политической арене. Их общества сформировались как нации в силу таких факторов, как национальный язык, национальные границы и национальная история. Огромную роль в формировании национальных образований сыграло развитие мощной технологии – индустриализации печати. Бенедикт Андерсон описал роль печатной культуры в распространении информации и декретов централизованного государства, что способствовало объединению людей в "воображаемые сообщества, называемые нациями" [5; 6]. По его мнению, два жанра – роман и газета – имели особенно важное значение для становления наций. Более того, печатная культура с её морскими и географическими картами дала возможность национальным правительствам развернуть колониальную экспансию [5; 25].

Кратко вспомним основные вехи в развитии лингвистической ситуации в США, начиная с Кентуккской конференции по иностранным языкам (1948 г.), когда преподаватели новых языков впервые собрались в Кентуккском университете для обсуждения стоящих перед ними задач, а именно: восстановления контактов с коллегами внутри страны и за рубежом и пересмотра целей, преследуемых программами по иностранным языкам после потрясений мировой войны. С окончанием второй мировой войны в США наступил период исторического оптимизма: поражение Германии и Японии привело к тому, что Соединенные Штаты приняли вызов глобального руководства, так как европейские дер-

жавы были больше не в состоянии господствовать на мировой арене. Новая глобальная миссия супердержавы открыла новые перспективы для кафедр иностранных языков, возможности, которые вскоре трансформировались в жесткие формы холодной войны, когда любое политическое или культурное событие рассматривалось в аспекте его функции в борьбе между демократией и тоталитаризмом. Поражение национал-социализма во второй мировой войне остро поставило задачу ревизии ценностей и возможностей использования немецкой культуры как одной из составляющих мирового опыта.

Программы по языку и литературе надлежало подвергнуть критической переоценке и реформированию, четко определив их роль в преобразовании и расширении американского университета, которому предстояло превратиться из университета для привилегированных социальных слоев в университет для широких масс. По мнению Петера Уве Хозндаля, профессора немецкой и сравнительной литературы Корнеллского университета, окончание холодной войны оказало большее воздействие на американское постсреднее и высшее образование, чем это осознается многими [3; 83]. Явным подтверждением данной точки зрения являются естественные науки. Модель политической конфронтации, когда все общество было пронизано ожиданием глобального конфликта, поощряла крупные правительственные ассигнования. Университетам выделялись большие суммы под фундаментальные исследования, результаты которых можно было использовать в оборонной технологии. Языковые кафедры, хотя и в меньшей степени, тоже участвовали в этом процессе. Так называемый спутниковый эффект конца 50-х годов привел к тому, что языки стали рассматриваться как орудие критики в продолжающейся конфронтации. Если 60-е годы были периодом расширения, то в 70-х годах академический рынок труда начал приходить в упадок, а традиционная структура кафедр иностранных языков пережила большое потрясение, вызванное отменой вступительного экзамена по иностранным языкам. Теоретическое мировоззрение 80-х годов изменило прежние представления об их роли. Начиная с 70-х годов XX века, традиционным кафедрам пришлось разделить юрисдикцию и распространение знаний с тематически ориентированными междисциплинарными программами, такими как африканские исследования, культурологические исследования, еврейские исследования, исследования сексуальных меньшинств, латиноамериканские исследования, исследования, посвященные коренным американцам, исследования движения за мир, гендерные исследования и т. д.

По сравнению с атмосферой первых послевоенных лет современная ситуация на рынке труда продолжает ухудшаться. Американские университеты переживают бюджетный кризис, что проявляется в сокращении финансирования. Университетская администрация стремится упростить структуру университета, критически относясь к программам со сравнительно высокими расходами на инфраструктуру типа небольших отделений иностранных языков. Чем больше торговая или промышленная корпорация становится моделью американского университета, тем меньше остается надежд на сохранение традиционных учебных заведений и программ. Другим симптомом кризиса является значительное сокращение с 1991 года приема на лингвистические специальности, зафиксированное Ассоциацией Новых Языков США. Если факультеты французского языка потеряли около 25 % по сравнению с предыдущими наборами, то факультеты немецкого языка снизили прием на 27,8 %. В связи с этим университетам и колледжам требуется меньше преподавателей французского и немецкого языка, по крайней мере, штатных преподавателей. Университеты отреагировали на этот кризис тем, что, пытаясь сохранить максимальную финансовую гибкость, стали чаще прибегать к услугам преподавателей с почасовой формой оплаты труда.

Миссия и функции американского постсреднего образования также подверглись прямому и опосредованному воздействию окончания холодной войны. Американский исследовательский университет (государственный и частный), около полувека являющийся двигателем

технического и экономического прогресса и в силу этого необходимый для социальных преобразований, начал терять свою решающую роль. Маргинальное развитие этого процесса, несомненно, отразится и на меньшем по размерам колледже гуманитарных наук, чьи выпускники поступают в крупный исследовательский университет.

Американские колледжи и университеты сражаются сегодня в изоляции. Как федеральное правительство, так и власти штатов урезают финансирование серьезных учебных и исследовательских программ, разработанных в 70-е и 80-е годы. Политические и экономические руководители государства больше не ощущают настоятельной необходимости поддерживать эти программы, так как, на их взгляд, они не играют заметной роли в современной экономике. Ухудшению ситуации, в которой оказались университет и колледж, способствовала и публично провозглашенная кампания за приватизацию общественных функций.

Человеческое сообщество живет сейчас в "глобальной деревне" в канун нового политического порядка, обусловленного транснациональным характером крупных рынков, и на пороге нового технологического века, когда электронная связь вытесняет печать. Неудивительно, что абитуриенты проявляют малый интерес к традиционным дисциплинам гуманитарных и общественных наук, возникшим более века тому назад в эпоху национальных границ и печатной культуры. Кафедры, организованные с учетом такого критерия как национальные границы (Франция, Италия, Германия) или языковые семьи (романская, славянская) являются пережитком прошлого и волей-неволей вынуждены приспособляться к новому мировому порядку [2; 69]. Наиболее привлекательными для студентов XXI века являются междисциплинарные и страноведческие программы, а также исследования средств информации и рыночных сил [2; 70]. Ввиду этих перемен, чтобы активно участвовать в духовной жизни нового общества, кафедры европейских языков и литератур должны пересмотреть цели, круг дисциплин и предлагаемые курсы.

В американском образовании изучение иностранных языкам, литературе на иностранных языках и лингвистике традиционно рассматривалась как самостоятельная дисциплина, выполняющая свою гуманистическую миссию. Однако сокращение бюджетных ассигнований на образование требует заменить элитарный подход, трактовавший каждый язык и каждую область изучения языка как автономные, прагматическим.

Полемизируя с теми, кто видит миссию иностранных языков в аспектном обучении языку, литературе, лингвистике, культуре или междисциплинарным курсам в соответствии с отдельными для каждого аспекта принципами обучения, профессор германистики Техасского университета Жанет Сваффар считает необходимым для сохранения в XXI веке оптимального количественного состава кафедр иностранных языков пересмотреть статус дисциплины "иностранные языки", выделив общие для всех её аспектов принципы, отличные от других гуманитарных (особенно истории) и общественных наук [6; 157]. По её мнению, принципы обучения иностранным языкам можно вывести из расширенной трактовки социальной роли языка в различных обществах. Цель предмета "иностранный язык" – "научить студентов распознаванию различных типов интенции, заложенных в устных и письменных текстах, и эффективному пользованию языком в культурном сообществе для достижения своих целей" [6; 157].

Статус дисциплины "иностранные языки" определяется такими основополагающими документами, как теоретические основы культурологического подхода, разработанные Джеффри Пеком и Расселом Берманом, и педагогические предпосылки проекта "Стандарты обучения иностранному языку". Данные документы предлагают новую трактовку задач дисциплины: научить языку означает научить идентифицировать и применять альтернативные ценности и системы мысли, выработанные носителями иностранного языка. Оба документа рассматривают язык не как сообщение само по себе, а как сред-

ство изучения индивидуумов в их сообществах. Каждый языковой акт раскрывает новую грань иноязычной культуры, ее истории и ценностей. Дисциплина "иностранные языки" различными способами исследует одну проблему — как индивидуумы и группы используют слова и другие знаки в контексте для замысла, порождения и создания значений. Следовательно, цель данной дисциплины состоит в том, чтобы научить студентов оперировать словами и осознать, что сделано словами в социальном, историческом, политическом и межличностном плане. Все аспекты обучения языку ориентированы на достижение этой цели, но добиваются этому по-своему [6; 158].

Исследователи процесса овладения языком (Патриция Каррел, Джеймс Ли, Кэрол Херрон, Стивен Коль, Хилли Йорк, Поль Линден, Жанет Сваффар, Андреа Влаттен, Кьянг-Э Ча, Ле На Чанг, Мей Линг Ли) выявили ряд принципов, обеспечивающих успешное приобретение лингвокоммуникативной и социокультурной компетенции [6; 161]. По их мнению, учебный план должен быть интегрированным, что предполагает обеспечение непрерывности содержания. Во-первых, включение знакомых тем, жанров и риторических приемов облегчит процесс понимания текстов; во-вторых, при составлении учебных планов для старших курсов и продвинутого уровня необходимо предусмотреть 10-15 минут для аудиторной работы с аутентичными текстами для чтения, снабженными тестовыми заданиями, или с видео для введения темы и её трактовки, чтобы ознакомить студентов с предъявляемыми к ним новыми требованиями; в-третьих, ключевые тексты целесообразно систематически дополнять текстами той же тематики, чтобы облегчить переход от базового комплекта текстов для чтения и базового словаря к специализированным направлениям высшего этапа. Такое "перечитывание" будет способствовать более полному пониманию сути вопроса и запоминанию лексики, объединяющая овладение языком и проникновение в содержание. Согласно последним исследованиям 3-4 текста, объединенных общей тематикой, оказываются более легкими для понимания и расширения запаса лексики и синтаксических структур, чем тексты на разные темы. На старших этапах целесообразно использовать тексты, прочитанные в предыдущих семестрах, или тексты сходной тематики. Непрерывность содержания на всех этапах и уровнях обучения достигается тем, что при работе над разными аспектами языка вновь и вновь обращаются к ключевым текстам, в зависимости от того, какой акцент ставится на трактовке содержания. Так в ходе овладения единым предметом "иностранный язык" осуществляется взаимосвязь между его аспектами.

Кафедры иностранных языков должны определить свою миссию и задачи в контексте всего вуза с учетом кадрового состава кафедры, проанализировав, где обучение иностранным языкам сопрягается с другими дисциплинами, какие внешние факторы типа региональных или городских общественных, социальных и бизнес-проектов могут выигрывать от взаимодействия с кафедрой иностранных языков.

Стремительная метаморфоза высшего образования является отражением более широкого структурного преобразования политической и общественной жизни. Какие же выводы следуют из этого, как в данных условиях обучать студентов тонкостям иностранного языка и пользе и ценности иностранной культуры? Петер Уве Хоэндаль утверждает, что традиционная структура американского колледжа и университета сохранилась после второй мировой войны из-за негласного соглашения с обществом в целом. Колледжи и университеты выводились из сферы применения законов рынка. Корпоративная модель мира бизнеса не применялась строго к высшему образованию, рассматриваемому как часть общественной жизни. Процесс создания и передачи знаний не оценивался с точки зрения его немедленной социальной отдачи. Критерий технологического эффекта использовался главным образом в естественных науках, гораздо меньше в общественных. Но тогда этот критерий возводился, прежде всего, государством, а не частным бизнесом.

Знания, обеспечиваемые гуманитарными науками, и особенно кафедрами литературы, выполняли уникальную функцию, являясь своего рода противовесом засилью инструментального разума в научном сообществе. В глазах общественности изучение языков и чтение литературы уравнивало пользу образования в естественных и точных науках. Послевоенный триумф Новой Критики выражал именно такую трактовку гуманитарных наук как привилегированной формы автономии. Пока это равновесие знаний сохранялось, никто серьёзно не оспаривал относительную автономию университета, и его старая структура как сообщества преподавателей, ученых и студентов оставалась неизменной. В определенной степени можно утверждать, что холодная война с её присутствием постоянной угрозы стабильности политической и экономической системы и сохранила университет в его прежнем виде.

Конец холодной войны расторг это негласное соглашение. Сильное государство перестало выступать защитником относительной независимости университета. Границы между общественной и частной сферами все больше сдвигались в сторону частной. Корпоративная модель бизнес-сектора сейчас предлагается в качестве нового критерия измерения экономической эффективности академической сферы, будь то государственной или частный вуз.

С точки зрения Петера Уве Хозндаля, приложение корпоративной модели к университету является большой ошибкой, так как предполагает рыночную ориентацию, которая совершенно непродуктивна. Поэтому необходимо убедить администрацию вуза, что им не следует слепо выполнять требования совета и членов правления, которые часто требуют отчётности, в основном, в финансовом плане. С другой стороны, следует осознать, что сохранение традиционных структур в их прежнем виде невозможно, так как эти структуры были обусловлены историческими обстоятельствами, которые совершенно изменились. Быстро меняющиеся условия требуют выработки новых подходов. Рыночные тенденции мира бизнеса все настойчивей вторгаются в академическую жизнь, поэтому следует придерживаться прагматической стратегии и подумать о том, как использовать корпоративную модель в собственных интересах. Среди положительных моментов данной модели можно назвать стимулирование конкуренции, мобильности, разнообразия и, в пределах рентабельности, нововведений. К негативным моментам следует отнести неуважение традиции (а значит, непрерывности) и преданности вуза факультету и наоборот. Не остается места для прочной и длительной привязанности академическому вузу и его образовательной миссии. Новейшая корпоративная модель в отличие от модели 50-х гг. имеет тенденцию к децентрализации; акцент делается на мобильность и эффективность структурного подразделения.

Здесь таятся возможности для проявления предприимчивости кафедр путем экспериментирования с новыми учебными планами и различными формами организации, желательно, конечно, не запрашивая у декана дополнительных затрат. Эта ориентация относится как к преподаванию языка, так и программам литературы и культурологическим программам. Современные колледжи и университеты легче воспринимают новые и потенциально радикальные идеи, чем прошлое поколение, поскольку в век глобального рынка идеи и продукты, как любой другой потребительский товар, должны пройти испытания, прежде чем их можно продать широкой общественности. Если лет 60 назад государство, выступая в роли защитника, рассчитывало на политическую лояльность факультета в войне с коммунизмом, сейчас идеологическое вмешательство менее вероятно, ограничиваясь больше региональными интересами. Например, баптистский колледж видит свою миссию в контексте определенных религиозных идей и установок, рассчитывая, что профессорско-преподавательский состав воспримет их как систему отсчёта.

Ещё в конце 80-х гг. германисты США начали задумываться о будущем дисциплины. Их проект зародился, как стремление приблизить изучение немецкой литературы и

культуры к американской действительности путем пересмотра границ области. Так называемая американизация германистики бросила вызов устоявшейся немецкой германистике и призвала выработать конкретно американскую повестку. Недавняя горячая дискуссия о культуроведческих исследованиях способствовала развитию дисциплины, так как её участники не просто ратовали за новую методологию, а выступали за множество междисциплинарных подходов, которые бы реконструировали область науки и обеспечили связи с другими дисциплинами в гуманитарных и социальных науках.

Ревизия статуса германистики в 80-х гг. была обусловлена преимущественно внутренними проблемами: во-первых, ощущением изоляции германистики от остального круга гуманитарных предметов, и, во-вторых, все возрастающим осознанием того, что теоретические и методологические посылки того периода не могли объяснить современных культурных проблем. Традиционный акцент на немецкий литературный канон казался особенно неадекватным. Поиски новой теоретической модели, чему способствовали организованные Немецкой службой академических обменов конференции и симпозиумы, первоначально протекали без осознания структурных преобразований, происходивших в американских университетах примерно в то же время. Оглядываясь на недавние события с перспективы сегодняшнего дня, можно увидеть структурную связь. Движение культурологических исследований предвосхитило и явилось откликом на возникающее господство корпоративной модели.

Ответная реакция может проявляться двояко: как форма приспособления, гарантирующая выживание, и как критическая реакция, подвергнувшая сомнению демократический характер нового университета. Последние направления в обучении и исследованиях (феминизм, колониальные и постколониальные исследования, литература меньшинств) носят критическую окраску, которая плохо сочетается с требованием академической эффективности. Колледжи и университеты в основном примирились с этими инновационными программами, обусловленными демократическим развитием общества, поскольку они привлекают интерес студентов. Предпринимательский дух последних десятилетий способствует тому, что инновация кажется гораздо важнее, чем догматическая приверженность старым парадигмам гуманитарных наук, рассматривавшимся консервативными интеллектуалами как выражение национального благополучия.

Парадокс заключается в том, что если в прошлом статус-кво оспаривался критической аргументацией интеллектуалов, трудившихся вне университета, а академическая профессура в своей массе выступала как агенты воспроизводства знаний, то теперь фронт критики переместился в университет, а интеллектуалы общества взяли на себя защиту традиций. Поэтому момент критики стал орудием вузовского преподавателя, который выполняет двойную функцию – преподавателя и интеллектуала, что делает его работу особенно важной для общества. Но какова же роль интеллектуала в аудитории? В современных условиях эта роль предполагает скорее гибкость, чем догматическое противостояние, например, готовность принять и использовать возможности, предоставляемые корпоративной моделью. Конечно, это потребует реструктуризации. В то время как консервативные критики университета хотят вернуть преподавателей к привычной роли воспроизводителей и распространителей устоявшихся форм знаний по знакомым дисциплинарным каналам, необходимо понять, что новый децентрализованный университет с всё расширяющимся раскладом прежних организационных структур и границ поддерживает различные модели производства и распространения знаний. Например, языковые программы должны откликаться как на потребности школы бизнеса, так и технических факультетов, преподаватели которых все больше осознают многоязыковой, международный аспект их проблематики.

Процесс изучения языка не ограничивается, как неоднократно заявляла Клара Крамч, приобретением языковой компетенции. Приобщение к культурному опыту, который тоже является составляющей этого процесса, вполне может скорректировать однобокое по-

нимание специализированного овладения языком. Иными словами, передача специализированного знания и понимание критической перспективы не исключают друг друга. Точно так же, от обычного вводного курса в германскую литературу, традиционного стержня большинства немецких кафедр, не следует отказываться из-за его старомодно-го содержания. Всё зависит от расположения и представления литературных текстов. Если преподаватель выступает не как носитель традиционной мудрости, а как интеллект, старый вводный курс может эффективно реорганизовать мысли студентов.

Предприняв глубокий анализ академической среды с целью определения успешной стратегии для XXI века, Петер Уве Хозндаль предложил следующие рекомендации:

1. Избегать самоизоляции кафедры от других структурных подразделений колледжа или университета, не создавать у декана и завкафедрой английского языка и истории впечатление, что немецкая кафедра просто преследует автономные цели, не имеющие значения для других подразделений. Для выживания немецкой программы важно, чтобы администрация вкупе с соседними кафедрами воспринимали программу как часть более крупной общеобразовательной миссии. Только поддерживая прочные контакты с другими программами и выражая готовность рассматривать собственную программу как часть более крупной миссии, немецкое отделение может сохранить свои позиции в новом университете. Кроме того, немецкая программа должна продемонстрировать свой особый вклад в более крупную миссию. Нецелесообразно дублировать тенденции и подходы других областей. Скажем, для немецкой программы было бы крахом проигнорировать великую философскую традицию от Канта до Франкфуртской школы и передать ее другим программам.

2. Кафедра всегда должна быть открыта для перемен. Один учебный план не даст решения всех проблем. Конечно, реформа учебных планов – сложный и трудоемкий процесс, но необходимо быть чутким к веяниям времени. Решения, которые были успешными пять лет назад, могут не принести плодов в будущем. Например, смещение к культурологическим исследованиям, предпринятое многими факультетами в недавнем прошлом, тоже придется пересмотреть. Учитывая стремительный шаг перемен в вузовском образовании, было бы неразумно полагаться на стабильность программы.

3. Если в традиционной структуре обучение языку составляло основу всех других видов деятельности кафедры, то сегодня следует пересмотреть отношения между обучением языку и преподаванием культуры. Возможно, было бы разумно разработать программу, не зависящую целиком от языка как средства общения.

1. Cooper Jr., Henry R. *The Tense Situation of Slavic: Past, Present, Future*. Profession 98, New York: MLA, 1998. 62-67.
2. Furman, Nelly. *French Studies: Back to the Future*. Profession 98. New York: MLA, 1998. 67-80.
3. Hohendahl, Peter Uwe. *The Fate of German Studies after the End of the Cold War*. Profession 98. New York: MLA, 1998. 81-88.
4. Garcia, Elvira. *Spanish, French, and German: An Edwardian Pattern for a Postmodern World*. Profession 99. New York: MLA, 1999. 137-141.
5. Anderson, Benedict. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983.
6. Swaffar, Janet. *The Case for Foreign Languages as a Discipline*. Profession 99. New York: MLA, 1999. 155-167.

Данная статья подготовлена при содействии Международного совета по научным исследованиям и обмену (IREX), которому автор выражает глубокую благодарность.